

295. Б. Лятошинський — Р. Глієру

19-20 березня, 1937 р., Москва

19. III. 37

Дорогой Рейнгольд Морицевич!

Вот уже прошел целый месяц от того дня, когда должна была исполниться моя симфония¹, и только сейчас я пишу Вам. Слишком противно обо всем этом говорить, потому я и оттягивал.

Итак, произошло следующее.

Были все репетиции, вплоть до генеральной 21 февраля утром. В этот день (то есть похороны Орджоникидзе²) утром выяснилось, что вечером концерта не будет.

В течение всех репетиций оркестранты спорили о симфонии — одни ругали, другие хвалили. На генеральной репетиции произошло так называемое «обсуждение» произведения, которое состояло в том, что часть выступавших оркестрантов вела себя до безобразия нагло и заявила, что это вообще «не музыка», что это «ерунда», что это «стопроцентный формализм» и т[ому] п[одобное]. Другая часть не соглашалась с ними и, напротив, хвалила симфонию. Мне потом говорили, что в этой другой группе были как раз более солидные и авторитетные оркестранты. После этого выступил я, выразил удивление, что в Москве музыканты позволили себе такие грубые и неэтичные выпады по отношению ко мне, являющемуся все-таки, так сказать, гостем, сказал, что произведение, естественно, может одним нравиться, другим — не нравиться, но заявил, что во всяком случае я категорически заявляю, что это произведение не формалистическое, что оно написано искренне и тем музыкальным языком, который мне свойственен, а не надуман.

При всем этом, присутствовали Гусман³, Гринберг⁴ и Гаук⁵, но ничего не говорили. Затем были еще Литинский⁶ и Крейн⁷ (которым нравилась симфония) и Фельдман⁸ (который в панике скрылся от меня — очевидно, он пришел в ужас). Оркестр, когда началось обсуждение, продолжал спорить о симфонии, и такой подняли крик, как будто кого-то бьют, так что страсти

разгорелись вовсю. Все бы это было еще ничего, если бы в тот же день вечером был концерт и если бы этим дело кончилось.

Но послушайте, что было дальше. (Я рассказывал Вам сперва внешнюю сторону дела, а потом раскрою Вам всякие тайные пружины этого.) На этой репетиции присутствовал и познакомился со мной некто Житомирский⁹ (не смешивайте его с ленинградским композитором Житомирским¹⁰). Он сказал, что работает в газете «Музыка» (в Москве, на мою беду, с февраля начала выходить еженедельная газета «Музыка»). Я, разумеется, думал, что он имеет намерение написать рецензию после концерта, но вдруг через 5 дней после этой злосчастной репетиции появилась уже его рецензия в «Музыке». Такой изничтожающей рецензии я не имел никогда в жизни. Там не было ни одного не только хорошего, но хотя бы даже просто приличного слова. В общем симфония ни с какой стороны никуда не годится. Приедете — я Вам покажу ее. Концерту Ревуцкого, который репетировал Луфер¹¹, тоже немного попало, но значительно меньше¹².

Тем не менее, когда дирижер Адлер уезжал в Киев, ему сказали Гусман и Гринберг, что концерт обязательно состоится в первой декаде апреля. То же самое узнал и Крейн. Однако, в начале марта Адлер получил от Гусмана телеграмму, что «в виду того, что оркестр в апреле уезжает в Ленинград, концерт в этом случае состояться не может». (Говорят, однако, что оркестр уезжает только в конце апреля.) Тогда из Украинского упр[авления] искусств¹³ было написано письмо Гусману с просьбой устроить все-таки этот концерт, чтобы с этими произведениями могли познакомиться и покритиковать их не группа оркестрантов, а широкая общественность Москвы и Союз композиторов. Когда я 16-го уезжал из Киева¹⁴, ответа от Гусмана еще не было, но я уверен, что ответа или вовсе не будет, или он будет в лучшем случае оттягивать до следующего сезона.

Вот внешняя сторона дела, теперь — о тайных пружинах.

Перед поездкой Адлера в Москву в начале февраля он репетировал симфонию в Киеве, где она была намечена к исполнению по радио из студии. 9 февраля там было обсуждение сравнительно довольно в мягких

тонах, однако на другой же день после этого нашлись два оркестранта (делишки их мне известны), которые, подговорив еще несколько человек из оркестра, написали о том, что эта симфония есть произведение формалистическое и враждебное и что в прошлом году ее протаскивал и покровительствовал троцкист Карпов¹⁵!! (Надо Вам сказать, что председатель Укр[аинского] союза композиторов, видный партиец Карпов из обкома партии оказался троцкистом.) Это свое письмо они понесли по редакциям киевских газет и в Управление искусств. Ни в одной газете его не поместили, но в виду его существования Управление искусств устроило еще одно обсуждение симфонии. Мне пришлось повторить свои слова, сказанные на первом обсуждении, так как некоторые мои фразы в вышеуказанном письме были исковерканы и нарочито перевернаны, чтобы вложить в них антисоветский смысл. Мое разъяснение вполне удовлетворило всех. На этом собрании резко против симфонии выступили кое-какие из руководителей Радиокomiteта и говорили даже, что по их мысли такое произведение нельзя везти в Москву от Украины. Тем не менее, представитель Укр[аинского] управления] искусств т[оварищ] Альтшулер¹⁶ сказал, что не может быть и речи о запрещении исполнять симфонию, но что она, конечно (как и концерт Ревуцкого), не может явиться репрезентацией уже установленного и признанного направления симфонической музыки на Украине, и что он считает необходимым передать соответственное письмо через Адлера в Москву. Так это обсуждение и кончилось.

Симфония в Киеве по радио не исполнялась, мне было сказано, что произошло недоразумение, не учли-де, что это дни Пушкинского юбилея¹⁷. Однако, как оказывается, еще после первого, сравнительно мирного, обсуждения один из руководителей Радиокomiteта сказал дирижеру О.Брону, бывшему в то время случайно в Киеве и на этом обсуждении, что они считают, что эту симфонию исполнять нельзя. Брон это мне рассказал.

Теперь дальше: тот же О.М.Брон рассказал мне всего несколько дней тому назад уже в Москве, что до репетиций симфонии в Москве в

Радиокомитете было получено из Киевского радиокомитета письмо, что Киевский радиокомитет не советует Москве транслировать эту симфонию, что она осуждена укр[аинской] муз[ыкальной] общественностью и по каким-то причинам находилась под покровительством троцкиста Карпова!! Словом, — все то, что группа киевских оркестрантов хотела поместить в газете. Брон сам это письмо читал и говорит, что все руководящие работники ВРК¹⁸ знали и читали это письмо. Далее он же сообщил мне, что, оказывается, «рецензент» Житомирский смешивает мою симфонию с грязью, является одним из главных редакторов в ВРК и одним из первых видел это письмо. Теперь учтите еще то обстоятельство, что этот Житомирский — бывший харьковчанин¹⁹, член АПМУ²⁰ и большой приятель моих злейших врагов, тоже бывших РАПМовцев Белокопытова²¹ и Арнаутова²². Совершенно понятно, что трудно было подыскать лучшего критика для меня. Его все в Киеве знают как бывшего харьковского «Даню Житомирского». Об этом письме узнали в Мос[ковском] комитете искусств. Прекрасным добавлением к нему было еще и письмо от Укр[аинского] упр[авления] искусств о том, чтобы не рассматривать этого концерта как репрезентацию укр[аинского] симф[онического] направления.

Само по себе письмо Альтшулера было бы не страшно, но в соединении с пасквилем Радиокомитета оно явилось каплей, переполнившей чашу. Слухом земля полнится. Об этих письмах знали тут же сразу многие, знали и кое-какие из оркестрантов. К тому же в этом оркестре сидят сейчас два человека, которые в прошлом году играли в киевском оркестре. Один из них, как нарочно, тот, который еще в прошлом году говорил про симф[онию] всякие гадости в Киеве. Сейчас в Москве он не выступил, но свою подпольную агитацию, конечно, вел...

Брон много мне об этом всем рассказывал, но я пока никому не говорил, откуда у меня все эти сведения. Он только не обратил внимания на то, кто подписал этот пасквиль от Киевского радиокомитета, но, очевидно, это сделал тот, кто особенно выступал против меня на втором киевском обсуждении²³. У него все основания делать мне гадости, так как в прошлом

году я с ним имел несколько крупных разговоров, когда моя жена еще работала там на радио и они делали всякие гадости. В конце концов она принуждена была уйти оттуда и перейти в филармонию. Я отчитал его тогда за несоветское отношение к работникам радио, и с тех пор он меня возненавидел. Это проявляется все время на отношении Р[адио]комит[ета] ко мне как к композитору.

Итак, я год сам налаживал этот концерт, привез бумажку сюда от Укр[аинского] упр[авления] иск[усств] и от Союза композиторов, и все это для того, чтобы меня облили помоями.

Даже без концерта наивно рассчитывал я на беспристрастную критику в Москве. Из Киева протянулось столько нитей, что сразу многих настроило тут против меня. Я вовсе не рассчитывал тут на то, что симфония будет признана замечательной и т[ому] п[одобное], я знал, что будут хвалить и ругать, но я надеялся, что все-таки все увидят, что в моем лице имеют дело с настоящим композитором, и все. Но пока и это оказалось неосуществимым, так как симфонию почти никто не слышал, а <нерозб.> образом ее тут выругали и тиснули в газете.

Между прочим, Ваш друг Гаук тоже сейчас ругает ее тут и распространяет слухи, что я не умею инструментовать даже. Это уж совсем замечательное утверждение. Жаль, что Вас нет, Вы бы сказали им, что хоть инструментовать-то я, во всяком случае, умею, если уж вообще сочиняю черт знает что.

Но это так озлило меня (именно не так угнетает это меня, как злит), что я перестал ходить на концерты и тут, и в Киеве, так как мне всегда противно встречаться со всякими музыкантами или видеть их внимательные, сочувственные взгляды, или в сотый раз рассказывать о том, как было это дело.

Сейчас совершенная путаница — неразбериха на музыкальном фронте. Ухватились все за то страшное слово «формализм» и шьют его всем. Будь что-нибудь кому-нибудь не по нутру, как он сейчас же вместо того, чтобы понять, отмахивается от этого и говорит, что это — формализм. Все мало-

мальски сложное — формализм. Совершенно не понимают того, что можно писать сложно и вовсе не быть формалистом, а искренним, и наоборот, если я нарочито ограничу себя очень простой гармонией хотя бы, то я в этом буду неискренен, а значит и более формалистичен. Считают очень упрощенчески, — что сложно, то формалистично и все.

К тому же, должен Вам сказать, я сильно сомневаюсь в способности каждого оркестранта охватить целое пр[оизведе]ние, когда он пилит свою строчку <нерозб.>. Это и А.Крейн мне сказал, что когда он играл в молодости в оркестре на виолончели, то совершенно, например, не мог понять Скрябина «Поэму экстаза», но как только он послушал ее со стороны, то сразу получил совсем другое и очень положительное впечатление. Я сам испытал подобное же ощущение, когда недавно в Киеве зашел внутрь оркестра на корректуре «Тараса Бульбы». Хотя я и знал эту музыку и сам оркестровал ее, но я почти не узнал ее, стоя в середине оркестра. А у нас все могут говорить и молоть всякий вздор, что придет в голову. Выступает, например, как это было тут с моей симфонией, мальчишка не более лет 20-ти, один из скрипачей последних пультов, и нагло заявляет мне, что «по его мнению»(!) эта симфония — «ерунда». Этим самым словом.

Дальше идти некуда. Прекрасное положение на музыкальном фронте для тех композиторов, что имеют хоть сколько-нибудь сложный муз[ыкальный] язык.

Теперь о том, что я намерен делать.

Я советовался тут с А.Крейном и с Броном (как жаль, что Вас нет!) и решил следующее: через несколько дней я снова возвращаюсь в Киев, там как раз в это время начинается большой пленум оргкомитета Союза укр[аинских] композиторов с участием видных партийцев из ЦК партии и Упр[авления] искусств. Предстоит избрание нового оргкомитета, причем мне сообщили, что меня снова собираются избирать²⁴. Вот это большое и почетное собрание и явится, по-моему, самым подходящим местом, где я смогу поднять вопрос о гнусной и несоветской политике Киевского

радиокомитета, который чуть ли не сделал симфонию троцкистской, а меня — троцкистом, и сделал это, не согласовав вопроса с Укр[аинским] управлением искусств, которое по существу должно являться хозяином в вопр[осах] иск[усств]а на Украине. Скажу много и еще кое-чего другого о политике Радиокомитета, но писать об этом — долго, да и не стоит. Главный шум я подниму там, а здесь никого ни о чем просить не стоит, да и унижительно в конце концов.

Пойду тут, однако, все-таки к Гусману, с которым немного знаком, и, не прося его ни о чем, сообщу ему только то, что мне известно прекрасно, — вся эта интрига, что завязалась вокруг симфонии, о письмах из Киева и т[ому] п[одобное], и скажу ему только, что дела этого, конечно, так не оставлю. Пусть он, а через него и другие узнают о ситуации в Киеве, вообще обо всем, что я найду нужным ему сообщить. Завтра утром я к нему иду, после этого допишу тут, чем кончился наш разговор.

«Тараса Бульбу» я, слава Богу уже кончил. Я боялся, правда, что не я его, а он меня «кончит». Вышло 1002 стр[аницы] партитуры! Кошмар! Уже идут в Киеве репетиции. Числа около 20 апреля — премьера²⁵, а в мае опера киевская едет в Ленинград, везут «Тараса» и туда. Пока все очень расхваливают мою работу в Киеве и все довольны, а там дальше — посмотрим, что будет.

Ну, пока, кончаю, завтра после Гусмана допишу.

20.111.

К величайшему сожалению, с Гусманом мне не удалось вчера поговорить. Он неожиданно был занят на заседании, а у меня была с 3-х ч[асов] консерватория. Поэтому, кончаю это письмо, а потом дополнительно сообщу Вам результат этого разговора.

Дорогой Рейнгольд Морицевич! Напишите, как движается Ваша работа и когда будете в Москве²⁶.

Ваш БЛятошинский.

Р.5. Я до 15.IV в Киеве, Театральная, 3, кв[артира] 9.

---

¹ Йдеться про Другу симфонію, яка мала виконуватися в Москві 21 лютого 1937 року.

---

² Орджонікідзе Григорій Костянтинович (Серго) (1886-1937) – політичний діяч, член політбюро ЦК Компартії СРСР.

³ Гусман Борис Овсійович (1892-1944) – критик, музично-театральний діяч. Закінчив Петербурзьку консерваторію. З 1921 року жив і працював у Москві. Займав керівні посади в Большому театрі (кінець 1920-х років) й на Всесоюзному радіо (з початку 1930-х років), потім був заступником начальника Музичного управління Комітету в справах мистецтв при Раді Міністрів СРСР.

⁴ Грінберг М.І. (1896 - 1977) – музикознавець

⁵ Гаук О.В. (1893 - 1963) – диригент, педагог.

⁶ Літинський Г.І. (1901-1985) – композитор, педагог, учень Р.М. Глієра.

⁷ Крейн Олександр Абрамович (1883-1951) – композитор, музичний критик. Певний час працював у музичному відділі Наркомату освіти та Музсекторі Держвидаву в Москві. Автор опери, балетів, симфонічних і камерних творів.

⁸ Фельдман – прізвище братів-композиторів, які жили й працювали тоді в Москві: Зіновія Петровича (1893-1942) і Григорія Петровича (1910-1963). Зіновій Петрович більше відомий як автор творів для духового оркестру, Григорій Петрович писав симфонічну, камерну музику. Отже, мова йде, скоріше, про нього, але впевнено стверджувати цього не можна.

⁹ Житомирський Даніель Володимирович (1906-?) – музикознавець. Учень М.С.Жиляєва й М.В.Іванова-Борецького. Виступав зі статтями з 1929 року, з 1931 – викладав у Московській консерваторії. Працював у Бакинській (1949-53) та Горковській (1955-70) консерваторіях. Доктор мистецтвознавства (1968). Автор монографій, книжок, статей.

¹⁰ Житомирський Олександр Матвійович (1881-1937) – композитор, педагог. Учень А.К.Лядова. Автор оркестрових і камерних творів. З 1915 – викладач (з 1919 – професор) Петроградської консерваторії.

¹¹ Луфер Абрам Михайлович (1905-1948) – український піаніст, педагог. Учень Г.М.Беклемішева. З 1928 року – викладач (з 1935 – професор) Київської консерваторії, у 1934-41, 1944-48 – її директор.

¹² Стаття Д.В.Житомирського була надрукована 26 лютого 1937 року в №2 газети “Музыка”. Наводимо її лише фрагментарно:

СИМФОНИЯ Б.ЛЯТОШИНСКОГО И КОНЦЕРТ Л.РЕВУЦКОГО

Оба произведения были исполнены на генеральной репетиции Государственного симфонического оркестра СССР к предстоящему концерту украинских композиторов.

Вторая симфония Б.Лятошинского при всей своей внешней сложности и импозантности звучания оставляет впечатление крайне пустого, надуманного произведения.

В симфонии три части. Относительной рельефностью и яркостью обладает вторая – лирическая часть. Остальные чрезвычайно неинтересны, сухи по материалу, клочковаты по форме; их невыразительные темы тонут в бесконечном «ходообразном» движении симфонии. В постоянных взлетах и спадах в многозначительных речитативах и громopodobных кульминациях, в щедрой инструментровке – во всем чувствуется претензия автора на глубокомыслие, на большие философские масштабы. Но все это – не подкрепленное живой эмоцией, ясной мыслью, не оправданное музыкальным материалом – воспринимается как голая жестикуляция.

Б.Лятошинский – один из крупных композиторов Украины. Он проделал большой путь развития, пройдя в свое время через упадочное декаденство и современничество. Критика отмечала положительные сдвиги в его «Увертюре на украинские темы» (1926), где музыкальный язык композитора соприкасался с народной песней.

Журнал «Советская музыка» в начале 1935 г. утверждал, что Б.Лятошинский в процессе глубокой идейной перестройки преодолел уже чуждые буржуазно-формалистические влияния (статья И.Бэлза. «СМ» №1). Вторая симфония, написанная в 1936 г., говорит об ином. Очевидно, что над действительным приближением своего творчества к нашей жизни – яркой и волнующей советской жизни, над преодолением тяжкого груза формализма Б.Лятошинскому предстоит еще немало поработать.

(...)

После окончания репетиции состоялось обсуждение исполненных произведений артистами оркестра с участием композитора Б.Лятошинского. Большинство выступающих подвергло симфонию Б.Лятошинского суровой и резкой критике. Указывалось также на полное отсутствие самокритичности во вступительном слове композитора.

Регулярное обсуждение исполняемых симфонических произведений самими же исполнителями – новое и ценное начинание Государственного симфонического оркестра СССР. Оно сможет значительно поднять культуру оркестра и принести немалую пользу композиторам.

¹³ Українське управління мистецтв – пізніше Комітет у справах мистецтв при Наркоматі освіти України.

¹⁴ Від 1935 до 1938 року Б. Лятошинський суміщав працю в Київській та Московській консерваторіях.

---

¹⁵ Карпов П. – діяч Комуністичної партії України, який очолював Спілку українських композиторів до 1937 року. Став жертвою сталінських репресій.

¹⁶ Альтшулер Дмитро Ноевич – заступник начальника Управління театрів і мистецтв України. Загинув у роки сталінського терору.

¹⁷ Пушкін Олександр Сергійович (1799-1837) – геніальний російський письменник, чия творчість є явищем світової культури і справила значний вплив на розвиток національних літератур Росії, України, Білорусі та інших народів.

У 1937 році в СРСР широко відзначали 100-річчя від трагічної загибелі поета.

¹⁸ ВРК – Всесоюзний радіокомітет.

¹⁹ Д.В.Житомирський насправді народився у Павлограді Дніпропетровської області, хоча й недалеко від кордону з Харківщиною. Навчався у Харківській консерваторії у М.Г.Пільстрема (фортепіано) й С.С.Богатирьова (теорія музики). Отож, певний період його діяльності був пов'язаний із Харковом.

²⁰ АПМУ – Асоціація пролетарських музикантів України – музично-громадська організація, ідеологічно пов'язана з РАПМ. Існувала в 1929-32 роках у Харкові, мала філії у Києві, Одесі та Дніпропетровську, була ліквідована в 1932 році у зв'язку з Постановою ЦК ВКП(б) “Про перебудову літературно-художніх організацій”.

²¹ Білокопитов Олександр Олександрович (1906-1937) – музикознавець. Випускник Харківського музично-драматичного інституту по класу П.К.Луценка (фортепіано), П.О.Козицького й С.С.Богатирьова (теорія музики). У 1929-32 роках був відповідальним секретарем АПМУ, в 1932-34 – начальником відділу Наркомату освіти УРСР, у 1934-37 – завідував музичною редакцією Українського радіо. Був репресований.

²² Арнаутов О.В. (1907-1937) – композитор. Колишній член АПМУ, потім – працівник Українського радіокомітету. Репресований.

²³ Мова йде про нового тоді голову Радіокомітету в Києві на прізвище Долгих.

²⁴ Звіт про роботу цього пленуму друкувався у журналі “Радянська музика” (1937, №4-5). У ньому, зокрема, зазначалося, що 29-31 березня в Києві відбувся розширений пленум оргкомітету Спілки радянських композиторів України, на якому були присутні делегати з Києва, Харкова, Одеси, Донбасу, Херсона. Зі звітною доповіддю виступив голова оргкомітету, організованого в червні 1935 р. Окремо були виділені недоліки в роботі оргкомітету,

---

допущені “троцькістом Карповим”. Яскравими досягненнями в творчості названа робота над редакцією опери М.В.Лисенка “Тарас Бульба” Л.М.Ревуцького та Б.М.Лятошинського. Повідомлено, що над оперою “Щорс” працюють три українських композитори – С.С.Жданов, В.Я.Йориш та Б.М.Лятошинський. В.С.Косенко приступив до написання опери “Марина” за Т.Г.Шевченком, а також працює над збірником 20-ти “пожовтневих пісень”. Після доповідей тов.В.Г.Смекаліна та О.В.Арнаутова в дебатах виступили: П.О.Козицький, В.С.Косенко, І.А.Віленський, В.Т.Борисов, В.М.Нахабін, В.Г.Костенко, К.Ф.Данькевич, Л.С.Гуров, І.Ф.Белза, М.І.Вериківський, В.Я.Йориш, В.Г.Івановський, Г.П.Таранов, М.А.Гозенпуд, музикознавці О.О.Білокопитов, М.Я.Береговський, Д.М.Ревуцький, диригент Г.Б.Адлер, директор Київської філармонії Фуксман, начальник музичного відділу Українського управління в справах мистецтв Д.Н.Альтшулер, начальник Управління в справах мистецтв МАРСР Кірлич, директор Київської консерваторії А.М.Луфер, поети Л.Первомайський та М.Рильський, керівник квартету ім.П.І.Чайковського Плісецький. Пленум визнав роботу оргкомітету незадовільною. В кінці з промовою виступив начальник Управління в справах мистецтв при РНК УРСР тов.А.А.Хвиля. Таємним голосуванням обрані члени оргкомітету: П.О.Козицький, Л.М.Ревуцький, Б.М.Лятошинський, О.В.Арнаут, В.С.Косенко, В.Г.Смекалін, І.А.Віленський, В.Я.Йориш, М.Д.Тіц, К.Ф.Данькевич, М.М.Вілінський.

2 квітня відбулося засідання новообраного оргкомітету, який обрав секретаріат у такому складі: П.О.Козицький, Л.М.Ревуцький, В.Г.Смекалін, заступники Б.М.Лятошинський, В.С.Косенко; музикознавча – П.О.Козицький, заступник В.Я.Йориш; оборонна – І.А.Віленський. Редактором журналу “Радянська музика” призначений О.О.Білокопитов.

²⁵ Прем'єра “Тараса Бульби” М.В.Лисенка в редакції Л.М.Ревуцького й оркестровці Б.М.Лятошинського відбулася 27 квітня 1937 року на сцені Київського театру опери та балету.

²⁶ Р.Глієр в цей час знаходився в Узбекистані, де погодився очолити керівництво по підготовці Днів культури Узбекистану в Москві, що мала пройти в травні 1937 року.